

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ОДНОЙ ИЗ ЛИЦЕЙСКИХ КЛИЧЕК В. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Характерной особенностью лицейского уклада пушкинского курса можно считать бытование прозвищ, которыми были наделены едва ли не все его воспитанники. Прозвища эти, столь естественно возникшие в замкнутом лицейском кругу, отнюдь не были оскорбительными. Большая часть придуманных имен имела весьма прозрачное и прозаическое происхождение, возникнув либо по созвучию с именем или фамилией, либо по внешнему сходству, либо по склонностям или особенностям характера лицеиста. Редкие клички указывали на национальную принадлежность («Швед», «Тевтон»). «Этническую» кличку получил и Пушкин, однако же прозвище его «Француз», сменившееся вскоре новым — «Смесь обезьяны с тигром», имело иное происхождение: оно намекало лишь на то «совершенно французское воспитание», с которым пришел в Лицей будущий поэт¹.

Наибольшее количество кличек среди воспитанников имел В. Кюхельбекер. Часть из них («Виля», «Вилинька», «Вильмушка») была произведена из имени, другая же («Кюхля», «Бехелькюкер») объяснялась труднопроизносимой фамилией. Характерная немецкая внешность Вильгельма породила прозвище «Тевтон», а его высокий рост — «Глиста». То особое внимание, которое питал Кюхельбекер к немецкому поэту, автору «Мессиады», дало повод окрестить его «Клопштоковой глистой». Поэтические же опыты самого Вильгельма, отнюдь не вызывавшие восторга у сверстников, прибавили еще одну кличку — «Клит». Это прозвище имело лишь литературный, эпиграмматический характер и в виршах других лицейских поэтов означало бумагомараку, несостоявшегося служителя Парнаса.

Особого интереса, на наш взгляд, заслуживает происхождение лишь одной клички Кюхельбекера — «Гезель». Это прозвище, зафиксированное в дошедших до нас лицейских источниках, требует специального пояснения.

Не следует забывать о том, что, хотя среди воспитанников лицея были не только русские, но и немцы, и швед, и даже итальян-

¹ По мнению Ю. М. Лотмана, «две лицейские клички Пушкина по сути являются одной кличкой <...> и ее парафразом», а само выражение «смесь обезьяны с тигром», принадлежащее Вольтеру, не что иное, как «характеристика нравственного облика француза» (См.: Лотман Ю. М. «Смесь обезьяны с тигром» // Временник Пушкинской комиссии. — 1976. — Л., 1979. — С. 111).

нец, Кюхельбекер был единственным «иноязычным» учащимся на всем курсе. Раннее его детство прошло в Петербурге, и до шестилетнего возраста, по признанию самого поэта, родным языком для него был русский. Однако же последующие годы, проведенные в лифляндском имении Авинорм, а затем и трехгодичное пребывание в немецком уездном училище в Верро, способствовали его переходу на язык предков. В отцовском имении мальчик не имел русского окружения и общался лишь с матерью, не владевшей русским языком, да со служащими-немцами — управляющим, садовником, поварами и экономом. Изредка приходилось бывать ему на соседних мызах, также принадлежавших остзейским дворянам, посещать Логузенскую церковь по лютеранским праздникам и выезжать в немецкоязычный Дерпт, где жила его замужняя сестра Юстина.

По существу, Вильгельм мог говорить и читать по-русски лишь во время своих нечастых вояжей в Дерпт, в доме Г. А. Глинки, мужа Юстины, бывшего в те годы профессором русского языка и словесности в университете. Иногда он общался там и с наезжавшими из Смоленской губернии родственниками Григория Андреевича. Но эти встречи были эпизодическими и не могли играть значительной роли в жизни мальчика.

Став в 1808 году учащимся уездного училища в Верро, Кюхельбекер еще более оторвался от русского языка. Это было типичное для тех лет среднее немецкое учебное заведение. Как и другие города и местечки Прибалтийского края, Верро почти не испытывал нужды в знании русского языка, ибо и официальное, и бытовое общение в Лифляндии осуществлялось лишь на немецком. Хотя изучение русского языка и включалось в программы Дерптского университета и подведомственных ему уездных училищ, обучение было делом формальным и необязательным. Достаточно сказать, что учитель русского языка в училище, где обучался Вильгельм, появился лишь в конце 1809 года. Небезынтересно и то, что этот учитель (фон Пейтлинг) был «ущемлен» материально: в то время, как все другие преподаватели уездного училища в Верро имели годовое жалованье в 500 рублей, Пейтлингу положили лишь двести. Столько получал здесь лишь учитель рисования Ленгенфельд, предмет которого считался второстепенным и необязательным².

Вильгельм с детства был необычайно впечатлительным и экзальтированным, увлекался рыцарскими сказаниями, декламировал наизусть целые сцены из произведений средневековой европейской поэзии. Любовь к творениям Клопштока, надо думать, привил ему отец, гордившийся тем, что учился (хотя и несколько позже) в той самой знаменитой Пфортшулле³, которую окончил этот из-

² ЦГИА Эстонской ССР. — Ф. 384, оп. 1, д. 144, л. 23.

³ В Fürstenschule Pfort при Наумбурге, кроме Клопштока, в разное время учились и другие знаменитости — философы Фихте и Ницше, историки Леопольд Ранке и Лампрехт.

вестный поэт. Прекрасная библиотека немецкой классики была в доме и в пансионе его наставника Бринкмана в Верро. Можно предположить, что уже здесь Вильгельм стал писать немецкие стихи.

В эти годы Кюхельбекер свел знакомство с уроженцами Верро, обучавшимися в Дерптском университете и гимназиях, приезжавшими в родной город во время праздников и вакаций. Общие продолжалось и в самом Дерпте, где приходилось бывать Вильгельму.

Общение же с дерптскими студентами не обходилось, естественно, без стихов, без разговоров о немецкой поэзии. Эти встречи происходили и в Верро, и в самом университете, и в доме Глинки, и у его приятеля профессора Х. Ф. Дейча. Традиции немецких студенческих корпораций отразились и на быте лифляндских уездных школ, подчиненных училищной комиссии Дерптского университета. Эти традиции, усвоенные Кюхельбекером, сказались и на его поведении в Лицее, где он отчетливо ощущал свою отчужденность и «инаковость» в среде однокурсников.

Среди лицейстов были и другие немцы — Гревениц, Корф, Дельвиг, Данзас, но все они получили русское образование, выросли, как почти все другие воспитанники, в Петербурге или Москве, и, вполне естественно, русский язык был для них родным. Кюхельбекер же не только не получил среднего русского образования, но и жил не в столицах, а в германоязычной провинции, где был полностью лишен русского окружения. И потому его ошибки в русском языке, недостаточно свободное владение русской речью объясняются именно этими обстоятельствами. Насмешки сверстников, подчас вовсе не безобидные, тяжело переживались впечатлительным Вильгельмом. Эти переживания отразились и в его письмах лицейского периода.

К чести Кюхельбекера следует отметить, что он довольно скоро овладел русским языком, причем настолько, что стал писать на нем стихи, уступающие среди лицейских поэтов лишь пушкинским. Но это пришло позже, а на первых порах поэтические упражнения Кюхли вызывали лишь смех и эпиграммы. Впрочем, эпиграммы и пародии создавались и впоследствии, но характер их изменился, ибо осмеивалось уже не слабое владение русским языком, а само поэтическое творчество Кюхельбекера. Высокопарный слог, следование классическим образцам и приверженность немецкой поэзии были чужды лицейстам, находившимся под влиянием господствующей в те годы поэзии французской — легкой, изящной и игривой. И вполне естественно, что тяжеловесные вирши Вильгельма воспринимались как вызов, нежелание идти общим путем и служили постоянными мишенями лицейских пародистов и эпиграммати-ков.

Оды и баллады Кюхельбекера зачастую были длинны и неумелы, а кроме того, написаны непривычным для лицейстов размером, да и посвящались событиям, отдаленным во времени и про-

странстве. На фоне легких, свободно запоминающихся стихов Пушкина, Дельвига и Илличевского с местной тематикой и фривольным содержанием, поэзия Кюхельбекера казалась скучной и неуместной. Почти все рукописные журналы, альманахи и поэтические сборники, «издававшиеся» в Лицее, избирали творения Кюхельбекера как объект осмеяния.

В одном из номеров журнала «Лицейский мудрец» (1815 г.) его «издатель» Данзас, браня своих читателей за то, что они не присылают в оный орган интересных прозаических материалов, угрожает: «...Если же ваши Карамзины не развернутся и не дадут мне каких-нибудь смешных разговоров, то я сделаю вам такую штуку, от которой вы не скоро отделяетесь. Подумайте. — Он не будет издавать журнала... — Хуже!.. — Он нагрет ядом листочки «Лицейского мудреца»... — Вы почти угадали: я подарю вас усыпательною балладою г-на Гезеля!!.»⁴

И, дабы убедить читателей в «снотворности» произведений поэта, «Лицейский мудрец» помещает на своих страницах пародийные критические разборы баллад и од Кюхельбекера. В этих разборах осмеивается, как можно заметить, сам «германический дух» его поэзии, подражание Клопштоку и Гете. Лицейские критики более привычны к традиционным именам (Лилета, Дорида, Темира, Дион), общеупотребительным в жанре посланий и элегий, и потому им режут слух Альманзоры и Зюлимы. Необычность и непохожесть стихов Кюхельбекера на творения, созданные по правилам Лагарпа и Батте, позволяют автору разбора гезелевской баллады о Зюлиме справедливо отметить, что «это <...> зефиры родной страны, да и немецкой!!.»⁵

Малознакомая и не пользовавшаяся популярностью в России немецкая поэзия не почиталась в Лицее, где ее единственным знатоком и страстным пропагандистом был Кюхельбекер. Он не только декламировал стихи Клопштока, Шиллера и Гете, но и комментировал их товарищам, советуя изучать и использовать в собственном творчестве. Однако все попытки его были тщетны — даже Дельвиг, находившийся с ним в дружеских отношениях, не сумел понять и оценить ни Клопштока, ни самого Кюхельбекера. Более того, подражая лицейским собратьям, «Тося» тоже усмотрел «усыпительное» начало в виршах Вильгельма:

Поэт надутый Клит

Навеки заклался со мною говорить.

О Клит возлюбленный! смягчися, умоляю:

*Я без твоих стихов бессонницей страдаю!*⁶

В третьем номере «Лицейского мудреца» был помещен небольшой диалог под названием «Демон метромании и стихотворец

⁴ Грот К. Я. Пушкинский Лицей: (1811—1817)//Бумаги 1-го курса, собранные академиком А. К. Гротом. СПб., 1911. — С. 269.

⁵ Грот К. Я. — Указ. соч. — С. 264.

⁶ Дельвиг А. А. Полное собрание стихотворений. — Л., 1959. — С. 69.

Гезель», снабженный карикатурой, на которой изображены оба персонажа — чертенок и длинноногий, сидящий за столом с пером в руке, лицеист, над которым сделана пояснительная надпись «Кюхельб.». Эта сатирическая, малозначимая сама по себе сценка имеет непосредственное отношение к предмету нашего разговора и потому, думается, следует привести ее здесь целиком:

«Демон. Слушай меня прилежнее.

Гезель. Что ты хочешь?

*Д. Я привез на хвосту тебе письмо из Дерпта:
там пишут, что студенты выжгли стеклом
глаза твоему собрату по стихам.*

*Г. (испугавшись, роняет стул, проливает чернила
и наклоняется к черту). Но со мной ли это
случилось?*

Д. Пиши, пиши: Баллада, слышишь ли, баллада.

Г. Баллада.

Д. Лишь для безумцев, о Зульма!

Г. Что?

*Д. Лишь для безумцев, о Зульма! Златое вино
Пророк запретил.*

*Г. Неужто мне нельзя пить вина, я было и налил
в рюмку...*

Д. Глупой вопрос? Пиши далее.

Г. Вся бумага измарана.

*Д. Давай читать: «Лишь для безумцев, о Зульма,
лишь для безумцев... Лишь Зульма...*

Пророк запретил —

тьфу, пропасть! Какой глухой тетерев!

Прощай, мне скучно.

Замечание. (Вот прямо диавольские стихи, это превосходительной адской гостинице.)»⁷

Если отбросить некорректные выпады автора против физических недостатков Кюхельбекера — глухоты и некоординированности телодвижений — и оставить в стороне суждения о его безумстве⁸, то можно получить довольно верное представление об этом лицейском поэте. Известно, что Кюхельбекер стал лицеистом уже после того, как его родственник Г. А. Глинка оставил кафедру в Дерпте (1810 г.) и вместе со своей семьей покинул Лифляндию. Таким образом, становится понятным, что Вильгельм в лицейские

⁷ Грот К. Я. Указ соч. — С. 292—293.

⁸ Крайне вспыльчивый и неуравновешенный характер В. Кюхельбекера его родственники объясняли последствиями перенесенного в детстве тяжелого нервного заболевания. Многие современники поэта, не умея объяснить некоторые его поступки, называли его сумасшедшим. Одна из лицейских выходов Вильгельма повлекла за собой дело «о сумасшествии Кюхельбекера». Само это дело не сохранилось, однако до нас дошла выписка из журнала Конференции Лицея от 1815 г. № 11, свидетельствующая об этом. (ЦГИАЛ, ф. 11, оп. 297, д. 3242 а).

годы не мог иметь родственной переписки с Дерптом. Тем не менее сугубо специфическое упоминание этого города в приведенном диалоге убедительно свидетельствует о том, что Кюхельбекер сохранил свои связи с дерптскими студентами, ведя с ними переписку.

И вполне логично предположить, что он делился с лицейскими товарищами лифляндскими новостями, рассказывал о традициях немецких студенческих землячеств и корпораций, сравнивая их с традициями царскосельскими. Эти связи в немалой степени влияли и на поэтическую ориентацию Кюхельбекера. Потому-то закономерной видится связь дерптских студентов-немцев с жанром баллады и упоминанием имени Зульмы в сатирической сценке из «Лицейского мудреца» — ведь баллада была популярнейшим жанром в немецкой поэзии (перенесенным позднее на русскую почву В. А. Жуковским), а стихотворные строки о Зульме, вине и пророке — перефразированная цитата из «Западно-восточного дивана» Гете⁹, столь почитаемого в те годы В. Кюхельбекером.

Подмечен тут и мистический характер немецкой поэзии, и именно поэтому и в этой сатире, и в других пародиях и эпиграммах, связанных с творчеством Кюхельбекера, появляются потусторонние силы — черти, дьяволы, сатана. О связи стихов поэта с силами зла и о тождестве их в сознании лицейских стихотворцев свидетельствуют и строки из коллективно сочиненного ими «Хора по случаю дня рождения почтенного поэта нашего Алексея Демьяновича Илличевского»:

*...У него все подмастерья,
Мастеров он превзошел!
<...>
Ты родился — эпиграммы
Полились на весь народ;
Глупые, слезливы драмы,
Куча громких, мерзких од,
Враль-поэт и пустомеля, —
Стали свету все смешны...
Он ведь посрамил Гезеля,
Хуже в одах сатаны!¹⁰*

«Сатанинская» поэзия Кюхельбекера утомляет не только его сокурсников, но даже черта — демона метромании («Прощай, мне скучно»). При этом стоит отметить, что все эти оды и баллады связаны лишь с кличкой «Гезель». Случайно ли это? Отнюдь нет. И само прозвище дает ключ к разгадке этой связи. Слово «гезель» существует в немецком языке и имеет несколько значений — под-

⁹ Гете И. В. Собрание сочинений: в 10 т. — М., 1975. — Т. 1. — С. 393, 399.

¹⁰ Грот К. Я. Указ соч. — С. 193—194. Грот предполагает, что эти стихи были написаны Дельвигом или Кюхельбекером. Однако вряд ли Кюхельбекер может быть автором стихов, осмеивающих его самого.

мастерье¹¹, парень, товарищ, спутник. Этим словом некогда называли бродячих студентов, вагантов, кочевавших по Европе и слагавших стихи. Затем в различных городах Германии стали создаваться, по образцам профессиональных цехов, студенческие объединения — корпорации. Тогда-то слово «гезель» стало обозначать члена студенческой корпорации, совместив в себе несколько традиционных значений — товарищ, спутник, студент и подмастерье (в значении «ученик, еще не ставший мастером»). Именно это значение слова было принято в студенческой среде германских университетов¹². Слово «гезель» из Германии перекочевало и в Дерпт вместе с пригласенными оттуда профессорами, чиновниками и различными специалистами.

И, надо полагать, это обращение, бытовавшее в студенческой среде, было принесено в Лицей именно Кюхельбекером. Но, как нередко бывает, слово это не закрепилось среди царскосельских воспитанников, а стало прозвищем самого Вильгельма. Оно подразумевало и его германское происхождение, и «германический дух» его поэзии, и ее незрелость (недоучка, подмастерье, ученик).

В 1815 году Кюхельбекер пишет книгу «О древней русской поэзии», предназначенную для немецкого читателя. По сохранившимся свидетельствам можно предположить, что материалом для нее послужили русские народные песни и сборник Кириши Данилова. Желая познакомить западноевропейского читателя с богатым фольклором Руси, лицеист Кюхельбекер переводит на немецкий язык лучшие его образцы. Много лет спустя, перечитывая в крепостном заключении сказки Кириши Данилова, декабрист вспомнил, что «одну из них — «Сорок калик со каликою» — в 1815 году я перевел на немецкий язык; рукопись моя — «Versuch über die ältere russische Poesie» («Рассуждение о древней русской поэзии» — Р. Н.), — где находится этот перевод, осталась в Москве у Геринга»¹³.

По-видимому, издание этой книги не было осуществлено, не дошла до нас и упомянутая рукопись. Однако среди лицейских бумаг пушкинского курса сохранились два автографа В. Кюхельбекера, принадлежность которых к книге о древнерусской поэзии не вызывает сомнений. Это немецкие переводы русских песен, выполненные им для готовившейся книги. Одно из этих двух стихо-

¹¹ Думается, что неоднократное употребление слова «подмастерье» в «Хоре...» прямо связано с истолкованием понятия «гезель» как недоучившегося до подлинного мастерства ученика, незрелого мастера. Это дает основание подразумевать в «подмастерье» как самого Кюхельбекера, так и других лицейских поэтов.

¹² В немецком языке существительное *Gesell* — означает к тому же понятия сверстник, сообщник, участник, глагол *gesellen* — соединить, сплотить, принять в сообщество, а слово *Gesellschaft* — товарищество, сообщество, компания, ассоциация. (Полный немецко-русский лексикон. — СПб., 1798. Ч. 1. С. 677.) Слово «гезель» употреблялось в немецком студенческом жаргоне как синоним слова «буруш». Синонимичность этих слов подтверждается и в «Немецко-русском словаре» И. Я. Павловского (Рига, 1888. — С. 604).

¹³ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. — Л., 1979. — С. 95.

творений, по мнению современного исследователя¹⁴, является переложением украинской народной песни (Кюхельбекер считал малороссийский фольклор составной частью общерусского), второе же, как нами установлено, представляет собой весьма точный перевод русской народной песни «Ты воспой, воспой, жавороночик». Песня о жаворонке, переименованная в немецком варианте («Die Vermandten und das Liebchen» — «Родственники и возлюбленная»), примечательна для нас тем, что в ней Кюхельбекер употребил слово «гезель» именно в немецком понимании, продублировав его к тому же синонимом «бурш»:

*Singe Lerche, sing' ein Liedchen mir
Sing' im Lenze, sing' in hoher Luft: —
Im Gefängniss sitzt ein junges Blut,
Ein Gesell, ein Bursche brav und gut;
Einen Brief er seinen Aeltern schreibt...¹⁵*

Использованному в русской песне выражению «добрый молодец» переводчик придает более понятное и знакомое немецкому уху понятие «гезель, бурш», сохраняя при этом прилагательное «добрый» как «brav und gut» (бравый и хороший, добрый). Естественно, что слова «гезель» и «бурш» употреблены здесь в значении «парень», «молодой человек», в чем убеждает и использование Кюхельбекером словосочетания «ein junges Blut» (молодая кровь). Нас же в этом случае интересует сам факт бытования синонимической пары «гезель — бурш» в лексиконе лицейского поэта.

Книга о древней русской поэзии создавалась Кюхельбекером в эпоху всеобщего патриотического подъема, вызванного победой над Наполеоном. Европа, познакомившаяся с силой русского оружия, еще не имела, однако, ясного представления о поэтической силе «гипербореев». И скромное начинание Кюхельбекера, задумавшего столь благородное дело, вызвало похвалу даже у его одноклассника Илличевского, автора многочисленных пародий и эпиграмм, адресованных «Гезелю». Сообщая своему приятелю П. И. Фуссу в письме от 28.XI.1815 г., что лицейский воспитанник Кюхельбекер написал на немецком языке книгу о древней русской поэзии и что книга эта, несомненно, сделает нужное дело, Илличевский очень верно передал ее пафос словами: «...хвала русскому языку и русскому народу! Последняя война доставила ему много славы — и я уверен, что иностранцы, разуверившиеся, что мы варвары, разуверятся также и в том, что наш язык — варварский, — давно пора этому!»¹⁶.

«Германофильство» Кюхельбекера всегда сливалось у него с

¹⁴ См. статью Приймы Ф. Я. // Русская литература, 1960. — № 3. — С. 170—173.

¹⁵ В русском оригинале: «Ты воспой, воспой жавороночик, / Сидючи весной на проталинке: / Добрый молодец, сидя в темнице, / Пишет грамотку к отцу, к матери. / Во письме пишет добрый молодец...» // Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. — СПб., 1815. — Ч. 2. — С. 292.

¹⁶ Грот К. Я. Указ. соч. — С. 57.

истинно русским патриотизмом. Так, в стихотворении «Бессмертный дух», написанном и опубликованном в том же 1815 году, Вильгельм прославляет заслуги Кутузова и, одновременно, гордится вкладом, внесенным в победу над Наполеоном союзными немецкими войсками:

*...Тиран, уныньем поражен,
Еще вращает мысль строптиву;
Он злобой, местью вооружен;
Но сильный росс главу кичливу
На эльбских берегах разит. —
К врагу кипят германцы миценьем,
В их сердце к славе огонь горит,
В убитом сердце обольщеньем! —
Се! росс геройство вновь родит.*¹⁷

Это же «германо-росское» начало явно ощутимо и в первой критической статье Кюхельбекера, опубликованной им сразу же после окончания Лицея. Высоко оценивая вклад В. А. Жуковского в русскую литературу, начинающий критик видит заслугу поэта именно в том, что, «принявши образцами своими великих гениев, в недавние времена прославивших Германию, он дал <...> германический дух (разрядка моя — Р. Н.) русскому языку, ближайший к нашему национальному духу, как тот, свободному и независимому»¹⁸.

---

¹⁷ Амфион, 1815. — Сентябрь. — С. 24.

¹⁸ Кюхельбекер В. К. Указ. соч. — С. 435.

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Межвузовский сборник научных трудов

**ПОСВЯЩАЕТСЯ
СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МАЙМИНА**

Псков 1991